

от внедрения новейших технологий в правосудие и в том числе сокращения бюджетных расходов. Указанные предложения должны привести также к нормализации нагрузки, что положительно скажется на деловом климате в судах.

Сергей Пашин,

профессор кафедры судебной власти и организации правосудия НИУ ВШЭ, член Независимого экспертно-правового совета, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ, федеральный судья в отставке

— Более двух веков тому назад Верховный суд США записал в решении по знаменитому делу «Марбери против Медисона» (1803), что именно суд призван установить, в чем заключается право и соответствует ли закон конституции страны. Американские федеральные судьи, будучи глашатаями права, не подлежат дисциплинарной ответственности, а импичменту подвергаются лишь за совершение тяжкого уголовного преступления. Случаи отрешения федеральных судей от должности посредством этой громоздкой парламентской процедуры можно буквально пересчитать по пальцам.

Однако к судье можно относиться не как к носителю права, а как к потенциальному его нарушителю, нуждающемуся в присмотре руководства и периодических наказаниях. Тогда внутри сообщества плодятся карательные органы и сочиняются подробные до оскорбительности кодексы этики с каучуковыми формулировками. С первого года службы над головой судьи подвешивается дамоклов меч дисциплинарного преследования, который может обрушиться по произволу председателя суда в любой момент — а может, если начальству угодно, и висеть годами. Тяжесть этого устрашающего груза только возрастает со временем, ибо новые проступки, действительные или мнимые, присоединяются к былым.

Пока существует дисциплинарная ответственность судьи, система правосудия управляется как любое министерство. Между тем деление жрецов Фемиды на начальников, их приспешников и вечно виноватых подчиненных категорически противопоказано независимости суда и в конечном счете его объективности и справедливости. Чрезмерная концентрация законодателя и органов судейского сообщества на ответственности судей есть знак недоверия к ним.

Отрадно, что наше Правительство, вслед за Арменией, Беларусью, Казахстаном и Кыргызстаном, намерено смягчить существующее положение и предоставить судьям благо, которым в России пользуется любой работник и даже всякий преступник, а именно — давность привлечения к ответственности. Полагаю, предложенные нормы необходимо согласовать с содержанием ст. 193 Трудового кодекса. В частности, время служебной проверки, сроки которой законодательством не определены, не должны растягивать сроки давности.

Александр Боннер,

профессор кафедры гражданского процесса Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ

— Проблема дисциплинарной ответственности судей является весьма актуальной и в то же время достаточно сложной. Она связана с рядом конституционно-правовых и процессуально-правовых положений, включая принцип независимости судей, право и обязанность судьи применять в соответствующих случаях ситуационные нормы, взаимоотношения судьи с председателем районного (городского) и вышестоящего суда, с участниками процесса и многое другое.

Вероятно, определенную роль в усовершенствовании данного института в отдельных случаях может сыграть введение срока давности и мер ответственности в отношении судей в отставке. Однако главное не в этом. Проблему дисциплинарной ответственности судей невозможно оторвать от еще более серьезной и глобальной проблемы состояния правосудия в стране в целом. А это состояние вызывает озабоченность, которая не может не усиливаться из-за существенных изменений в регламентации деятельности проверочных инстанций судов по гражданским и уголовным делам. Если назвать вещи своими именами, то на сегодняшний день в судах общей юрисдикции из-за чрезмерной перегруженности судей и ряда других причин у нас нет ни апелляции, ни кассации, ни надзора. Как в этих условиях можно в полной мере требовать от судей, прежде всего апелляционной инстанции, полного исследования материалов дела и доводов жалоб? Например, в заседании судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда ежедневно в порядке, который никак нельзя назвать апелляционным, рассматривается по 40–50 дел, а в отдельные дни, например в канун нового, 2013, года, число дел доходило до 90. Так что в положении экс-судьи А.В. Матюшенко в принципе может оказаться каждый российский судья.

В то же время необходимо отметить и следующее. В нынешних условиях судья по существу несет ответственность за нарушения закона, различного рода ошибки, а порой и злоупотребления лишь перед вышестоящим судом и своим руководством. Обращения граждан, сигнализирующих о допущенных судьями грубейших нарушениях закона, в очень многих случаях оказываются, по сути, гласом вопиющего в пустыне, ведь привлечение судьи к дисциплинарной ответственности зависит исключительно от усмотрения руководства. Причем судье, находящемуся в хороших отношениях с начальством, могут простить грубейшие нарушения закона или злоупотребления. И, напротив, законопослушный, но не угодивший начальству судья без достаточных оснований может быть привлечен к дисциплинарной ответственности. Думается, что в современных условиях обоснованные обращения граждан (если соблюдена определенная процедура) должны являться поводом для привлечения судьи к дисциплинарной ответственности. Кроме всего прочего, это соответствовало бы и действительному смыслу ч. 5 ст. 32 Конституции РФ, согласно которой граждане Российской Федерации имеют право участвовать в отправлении правосудия.

Константин Арановский,

судья Конституционного Суда РФ,
доктор юридических наук

— Я уже высказывал свое мнение относительно дисциплинарной ответственности по такому основанию, как множественность нарушений. Проект Правительства о внесении изменений в Закон о статусе судей, как я понимаю, этого основания не содержит. Нет его и в действующем законодательстве. Но нельзя утверждать, что судьям не грозит никакая ответственность за неоднократно допущенные ими упущения. На мой взгляд, систематичность нарушений или их неоднократность сами по себе оснований дисциплинарной ответственности судьи не образуют, хотя и не исключают ее: ведь если одного грубого нарушения достаточно, чтобы сделать вывод о недобросовестности или некомпетентности судьи, то и нескольких значительных нарушений может быть тоже достаточно.

Множественность или системность образуются количественным накоплением, которое, однако, еще не доказывает судейской небрежности или некомпетентности. Более того, количество нарушений всегда растет именно в тех случаях, когда судья много работает — выполнять работу в больших объемах свойственно тому, кто работает хорошо. И это важно брать в расчет, особенно если иметь в виду нагрузку российских судей. Предусматривая дисциплинарную ответственность за множественность нарушений, закон ставил бы под угрозу взыскания даже добросовестного и компетентного судью. Угроза эта имела бы понятные последствия для его профессиональной уверенности, независимости и была бы тем значительнее, чем больше судья работает.

Вероятно, в отказе от систематичности (множественности) нарушений как основания дисциплинарной ответственности судей есть смысл. Он, может быть, в том и состоит, чтобы не вынуждать судью тревожиться о незначительных частностях и в заботе о «показателях» и «статистике» не рисковать своей независимостью. Но тогда придется частично пожертвовать ресурсом дисциплинарной ответственности, сохраняя в ее основаниях лишь особые, грубые, заметные нарушения, совершение которых действительно исключает продолжение судейских полномочий или требует иного наказания.

Упущения и погрешности являют собой неприятную, но обыденную и едва ли устранимую сторону судейской деятельности, особенно при том типе процесса, который исторически сложился как розыскной и лишь отчасти усвоил, не всегда уверенно, отдельные приемы и средства состязательного судопроизводства. В отечественном процессе судья не только остается главным действующим лицом, но и формально отвечает за качество отправления правосудия и за его последствия. На него, а не на стороны, ложатся и все «грехи» судопроизводства.

Судья, однако, часто не имеет возможности вполне их избежать. Многое, от чего зависит качество правосудия, делают не судьи, а канцелярская и прочие службы, почта, секретари судебного заседания, судебные приставы, конвой и т.п., не говоря уже о сторонах. На законных основаниях стороны могут, к примеру, удерживать доказательства (и порой заинтересованы в этом), что чревато вынесением так называемых необоснованных судебных актов, в том числе таких, где вышестоящая инстанция по уголовным, например, делам не найдет в приговоре достаточной полноты, всесторонности и объективности.

Знать бы еще, насколько полной должна быть «полнота», в каких пределах нужна «всесторонность» и достаточно ли судье, чтобы быть объективным, не предвзято исполнить процессуальные правила и вынести по ним решение, не подыгрывая предпочитаемой стороне. Или он ради «объективности» должен докопаться до самой объективной истины, даже когда стороны ее не знают или по небрежности не представляют нужных доказательств?

В первой инстанции участники спора иной раз имеют интерес и возможность создать предпосылки к последующей отмене судебного акта, чтобы в повторных заседаниях истощить процессуального оппонента длительностью судопроизводства. Иногда они используют процессуальные средства, употреблению которых процессуальный закон и судья могут помешать лишь отчасти. А это чревато плохой судебской статистикой. Далеко не всегда по нерадивости судьи отступают от процессуальных сроков, допуская не самое, может быть, значительное, но все же нарушение. А ведь и оно вполне может войти в систему (в совокупность) с другими, ему подобными.

Систематичность, при которой ни одно из нарушений не является грубым и не выходит за рамки допустимой судебной ошибки, можно лишь предполагать среди оснований ответственности. Вряд ли, однако, это самое надежное основание и едва ли именно с ним дисциплинарная ответственность обеспечивает независимость и справедливость правосудия.

Виктор Лушников,

заместитель начальника
управления публичного права
и процесса ВАС РФ

— Считаю, что принятие законопроекта необходимо, но вместе с тем он не лишен недостатков, о которых мне уже приходилось говорить в комментариях для других СМИ². Главная недоработка состоит в том, что закон по-прежнему не будет давать более четких критериев для применения дисциплинарного взыскания в виде досрочного прекращения полномочий судьи. Разумеется, все возможные жизненные ситуации закон не способен и не должен описывать, но нужно было дать ориентиры, в каких случаях судья не может продолжать работать в своей должности.

ВАС РФ предлагал исходить из того, что подобное дисциплинарное взыскание является крайней мерой дисциплинарного воздействия и может назначаться в исключительных случаях за не совместимые с высоким званием судьи нарушения норм Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» и (или) положений Кодекса судейской этики, а также в случае нарушений, допущенных судьей при осуществлении правосудия, повлекших искажение фундаментальных принципов судопроизводства и грубое нарушение прав участников процесса вследствие некомпетентности или небрежности судьи, при условии, что эти нарушения свидетельствуют о невозможности продолжения осуществления им судебных полномочий и установлены вступившими в законную силу судебным актом вышестоящей судебной инстанции или судебными актами, принятыми по заявлениям об ускорении рас-

² См., напр.: www.kommersant.ru/doc/2160495.

смотрения дел либо о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок. Теперь этого в проекте нет, и одна лишь оговорка о том, что досрочное прекращение полномочий может применяться в исключительных случаях, не гарантирует судьям защиты от произвольного увольнения. Формулировка, предложенная законопроектом, вопреки практике КС РФ и Дисциплинарного судебного присутствия, не исключает случаев, когда квалификационные коллегии судей будут выявлять судебные ошибки вместо вышестоящих судебных инстанций и вне порядка, установленного процессуальным законодательством, признавать отдельные подозрительные судебные акты исключительным случаем.

Предложение ВАС РФ о введении дополнительного вида дисциплинарного взыскания — понижения в квалификационном классе — также не нашло поддержки, хотя, как представляется, оно было бы одной из самых действенных мер. Ведь в этом случае имело бы значение не только моральное воздействие на провинившегося судью, но и наказание рублем (за квалификационный класс выплачивается надбавка). Логично предположить, что судья, нередко нарушающий закон и права участников процесса, дает возможность усомниться в его квалификации, ранее подтвержденной в том числе квалификационным классом. Поэтому снижение квалификационного класса выглядело бы разумным подходом, дающим судье шанс исправиться и позволяющим не применять досрочное прекращение полномочий как крайнюю меру.

Александр Воронов,

профессор кафедры
гражданского процесса МГУ
им. М.В. Ломоносова, доктор
юридических наук, заслуженный
юрист РФ

— Проект закона во многом выглядит формальным исполнением указаний Конституционного Суда РФ. Он не устанавливает различий между дисциплинарными взысканиями в виде замечания и в виде предупреждения (в трудовом праве, законодательстве о госслужбе это тоже вопрос)³. Если нет разницы в правовых последствиях, то зачем вводить новый вид дисциплинарной ответственности? Если разница есть, надо ее обозначить. Сам по себе более широкий перечень видов дисциплинарных санкций без понятной их дифференциации может повлечь даже негативные последствия, например квалификационные коллегии и, возможно, судьи могут воспринимать замечания как вполне допустимое мелкое взыскание.

Пункт 6 ст. 15 проекта Закона («Если в течение года после наложения дисциплинарного взыскания судья не совершил нового дисциплинарного проступка, то он считается не привлекавшимся к дисциплинарной ответственности») требует как минимум редактирования (впрочем, как и соответствующая норма действующей редакции, да и ст. 194 ТК РФ). Дело в том, что досрочное прекращение полномочий судьи — это также дисциплинарное взыскание, но разве можно применять указанную норму, если судья был привлечен именно к этому виду взысканий? Как вариант предлагаю формулировку: «Если в течение года после наложения дисциплинарного взыскания в виде предупреждения [или в течение полугода после наложения

³ Речь идет о замечании и выговоре.

дисциплинарного взыскания в виде замечания] судья не совершил нового дисциплинарного проступка, то он считается не привлекавшимся к дисциплинарной ответственности».

С точки зрения обозначившегося в последние годы движения в сторону реального единства судебной системы и единства статуса судей не целесообразно ли было бы внести соответствующие изменения и в Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», в частности в ст. 15, а особенно в ст. 19 «Отставка судьи Конституционного Суда Российской Федерации»?

Возможно, следует внести изменения в ГПК РФ (да и в проект кодекса административного судопроизводства РФ, если он будет приниматься), в соответствии с которыми дела об оспаривании решений, действий (бездействия) квалификационных коллегий судей рассматривались бы судьями коллегиально. Представляется нелогичным, что решения коллегиального органа, куда входят и судьи, проверяются одним судьей. Соответствующую норму можно ввести прямо в п. 5 ст. 12¹ Закона о статусе судей. По крайней мере ГПК РФ допускает, что случаи коллегиального рассмотрения дел могут быть установлены и в других федеральных законах.

Возможно, следует рассмотреть вопрос отнесения к подведомственности Дисциплинарного судебного присутствия дел об оспаривании решений квалификационных коллегий о прекращении отставки судьи как во многом однородных с делами об оспаривании решений о досрочном прекращении полномочий судей.

В остальном законопроект заслуживает внимания и в целом одобрения, особенно формулировки п. 1 ст. 12¹ (определение дисциплинарного проступка), п. 4 (срок привлечения) и п. 5 (порядок обжалования) этой же статьи⁴, а также практически весь блок, касающийся привлечения к дисциплинарной ответственности судей в отставке.

Радмила Дичич,

судья Верховного кассационного
суда Республики Сербия

— Я думаю, что дисциплинарная процедура и дисциплинарные санкции важны для судей, поскольку они в некотором роде защищают их от незаконного увольнения. В прошлом как в Сербии, так и, насколько мне известно, в России санкции были по большому счету процедурой досрочного прекращения полномочий. Но санкции призваны не только устанавливать правила поведения среди судей, но и создавать понятную и урегулированную процедуру, которая защищает от необоснованного прекращения полномочий судьи. В Сербии увольнение является очень серьезным наказанием для судей, и за последние четыре года оно применялось лишь в двух случаях за действительные серьезные нарушения.

---

⁴ Однако в соответствии с терминологией ГПК РФ (да и проекта кодекса административного судопроизводства РФ) в отношении решения квалификационной коллегии лучше употребить слово «оспаривания», а не «обжалования».

Сегодня в Сербии отставка не является мерой дисциплинарной ответственности — всего у нас предусмотрено 18 видов санкций, не связанных с лишением полномочий — и дисциплинарные органы наподобие дисциплинарной комиссии вправе решить, является ли проступок настолько тяжелым, чтобы инициировать досрочное прекращение полномочий судьи. Затем они вносят соответствующее предложение в Высший совет судей, который занимается процедурой отставки судей.

Роушин Пиллей,

директор программы
Международной комиссии юристов
по Европе

— Я думаю, что в данном вопросе особенно важным является соблюдение принципа пропорциональности: наказание должно быть пропорциональным и должно соответствовать тяжести проступка. А поскольку система не настроена на автоматическое и немедленное увольнение в качестве меры ответственности, она позволяет в ходе специальной процедуры соотнести ее с составом дисциплинарного проступка и определить, насколько эта мера соответствует масштабу допущенного нарушения. Поэтому действительно важно для обеспечения независимости судей, чтобы процедура, посредством которой налагается взыскание, была честной и проводилась независимым органом. Это даже более важно, чем меры возможного наказания.

Юлий Тай,

управляющий партнер
Адвокатского бюро «Бартолиус»,
адвокат, кандидат юридических
наук

— Вопрос привлечения к ответственности судей не является простым и однозначным ни в одном правовом порядке мира, поскольку в нем сталкиваются принципы независимости суда и верховенства закона. Иначе говоря, слишком легкий способ привлечения к ответственности, по сути, ликвидирует независимость судей, а полная бесконтрольность деятельности последних чревата безнаказанным вынесением незаконных решений.

Конституционный Суд в постановлении по делу А.В. Матюшенко справедливо отметил, что применение к судье такой дисциплинарной санкции, как досрочное прекращение полномочий, должно осуществляться на основе принципа соразмерности, т.е. баланса независимости судьи и его неприкосновенности, с одной стороны, и ответственности судебной власти перед обществом — с другой. Иное не соответствовало бы принципам независимости, несменяемости и неприкосновенности судей и означало бы, что судью можно привлечь к ответственности за любую ошибку. В силу особой природы и предназначения судебной власти государство и общество должны обеспечивать такое регулирование и практику его реализации, которые исключали бы для судьи постоянный риск подвергнуться дисциплинарной ответственности за сам факт принятия решения, не согласующегося с действующим законодательством.

Однако представляется, что законопроект не в полной мере выполнил указания Конституционного Суда в части большей дифференцированности и соразмерности (пропорциональности) привлечения к ответственности судей (хотя это касается не только судей, а всех лиц, привлекаемых к ответственности). Развитые порядки достигают этой цели введением более гибкой и широ-

кой шкалы санкций, применяемых к судьям (в Германии их пять, во Франции восемь, в Австрии шесть). Наличие такого значительного выбора позволяет более четко просеивать и оценивать действия (бездействие) судьи, которые являются несовместимыми с их высоким статусом, что позволяет избежать безнаказанности и точно выразить отношение общества и государства к ненадлежащему поведению судьи.

Также следует отметить как положительный момент введение сроков давности привлечения к ответственности, поскольку в силу правовых позиций ЕСПЧ и Конституционного Суда лицо не должно находиться в ситуации возможного привлечения к ответственности за неправомерные действия в течение неопределенного и тем более бесконечного срока. Иное позволяло бы иметь рычаг воздействия на судью лицам, которые могут возбудить данную процедуру, что грубейшим образом нарушает принцип независимости и на практике может приводить к намного более негативным для общества последствиям, чем те, за которые судья мог бы быть изначально привлечен.

Для защиты судей от внешнего воздействия необходимо ввести более широкий круг санкций, а именно: финансовые меры; перевод судьи в другой суд; временная отмена льгот и привилегий; запрет выполнять определенные функции или занимать определенные должности (например, председателя состава); понижение в квалификационном классе; временное отстранение от исполнения обязанности судьи на конкретный срок с полным или частичным снижением заработной платы. Это позволит судьям понимать, что санкция будет соразмерной содеянному и, следовательно, не заставит ввергаться в пучину беззакония, чтобы скрыть совершенный проступок.

Стоит отдельно высказать сожаление по тому поводу, что разработчики законопроекта полностью проигнорировали доводы, содержащиеся во мнении судьи К.В. Арановского и особом мнении судьи М.И. Клеандрова, которые выражали весьма ценные идеи, а также замечания к действующему Закону о статусе судей, вплоть до технических ошибок и нестыковок, которые, очевидно, можно и нужно было учесть.

Наталия Чумак,

партнер *Field Fisher Waterhouse LLP*

— На мой взгляд, создание срока давности для дисциплинарной ответственности судей — явление положительное. Наличие разумного срока даст судьям уверенность, что на них не может быть подана жалоба по прошествии длительного периода времени, когда они уже не будут помнить все факты касательно сути жалобы и уже не будут иметь необходимых доказательств для своей защиты. Существование срока давности работает в качестве некоего фильтра против жалоб, единственная цель которых — досадить судье или ответчику. Если жалоба обоснована, то логично предположить, что она будет подана вскоре после наступления события, дающего для нее повод. Поэтому существование срока давности косвенно усиливает независимость судей за счет того, что они могут чувствовать себя более защищенными от риска необоснованных и неограниченных временем жалоб.

Другой вопрос, какой срок давности стоит считать разумным. По этому поводу в международной практике нет единого мнения. Например, срок давности для дисциплинарной ответственности судей в Англии — один год. Консультационный документ 2012 г., подготовленный государственным Департаментом Великобритании по жалобам против судей, под названием «Обзор правил и регламента, регулирующих судебную дисциплину» содержит предложения об уменьшении данного срока до трех месяцев, но это предложение пока не принято и даже не перенесено в законопроектную форму.

К сожалению, формулировка нового п. 4 ст. 12¹ Закона о статусе судей неудачна. Неясно значение слова «решение» и некоторые параметры, а также соотношение между сроком после совершения проступка (шесть месяцев) и сроком со дня его выявления (два года). Тем самым создается неопределенность относительно того, какой срок давности будет применяться и с какого момента.

Что касается дисциплинарной ответственности судей, вышедших в отставку, то это вопрос неоднозначный и широко дискутируемый в мировых юридических кругах. С одной стороны, отсутствие ответственности с момента выхода в отставку дает судьям дополнительную уверенность и потому усиливает их независимость во время работы. Такая позиция существует в Англии. С другой стороны, она позволяет судье-нарушителю избежать ответственности на закате своей деятельности. В противоположность поправкам в ст. 12¹ Закона о статусе судей, поправки в п. 6 ст. 15 расширяют поле ответственности судей, позволяя призвать их к ответственности, даже если они уже вышли в отставку. Однако из предложенных формулировок поправок опять же неясно, каковы будут последствия прекращения отставки судьи в случае совершения им дисциплинарного нарушения (например, каков будет его статус, и как это отразится на его пенсии и других привилегиях, если они есть).

Притом что предложенные поправки являются положительным шагом в развитии механизмов ответственности и независимости судей, они требуют доработки. К тому же эти поправки являются лишь маленькой составляющей глобальной и на сегодняшний день по-прежнему проблематичной темы независимости и ответственности судей. Стратегическими остаются вопросы о том, как и кем назначаются судьи, какие критерии применяются к выбору судей, кто и как оценивает их деятельность, и кто решает вопросы по их дисциплинарной и другой ответственности. Предложенный законопроект мог бы быть отличной базой для решения всех этих вопросов в комплексе.

Михаил Самойлов,

старший юрист практики разрешения споров Адвокатского бюро «Корельский, Ищук, Астафьев и партнеры»

Комментарии пользователей портала *Zakon.ru*

— Решить вопрос качества правосудия методами дисциплинарного воздействия на судей нельзя, а повлиять на уровень независимости судьи — легко. Качество правосудия — это в первую очередь качество отбора претендентов на судейскую должность, и лишь в исключительном случае оно связано с ответственностью судей. При этом механизм привлечения судьи к ответственности будет эффективным тогда и только тогда, когда судья будет сам осознавать уровень своей ответственности перед обществом, а также когда применение норм ответственности не будет создавать угроз добросовестным судьям.

Единственным достоинством внесенного законопроекта, по-моему, является установление срока давности привлечения судьи к дисциплинарной ответственности. Это старая проблема, она возникла, как только в отечественном законодательстве был восстановлен институт дисциплинарной ответственности. Верховный Суд РФ в 2002 г., думаю, правильно подошел к проблеме и указал, что при решении вопроса о привлечении судьи к дисциплинарной ответственности следует руководствоваться ст. 193 ТК РФ, предусматривающей срок привлечения к дисциплинарной ответственности⁵. Однако эта позиция была практически мгновенно исправлена Президиумом ВС РФ, по мнению которого срок, установленный ст. 193 ТК РФ, к дисциплинарной практике неприменим⁶. С тех пор дисциплинарной практике в отношении судей известны случаи, когда судья привлекается квалификационной коллегией судей к ответственности за проступки, совершенные за пять — десять лет до вынесения соответствующего решения. Так, квалификационная коллегия судей Новосибирской области решением от 05.03.2010 досрочно прекратила полномочия назначенного в 1992 г. судьи за совершение дисциплинарного проступка, выразившегося в «предоставлении в квалификационную коллегию судей недостоверных сведений... о месте проживания в период с 1986 по 1988 годы»(!). И вот спустя десять лет предлагается решить проблему именно тем путем, который ранее уже предлагался практикой.

⁵ См., напр.: Решение ВС РФ от 16.08.2002 № ГКПИ2002-552.

⁶ См.: Постановление Президиума ВС РФ от 27.12.2002 № 241пв02.